

АНФАС

Общая гол. - 1996 -
4 апр. - с 12.

Билет до города N

Виктор ГОРЯЧЕВ

Александра Ливанская сделала себе имя как летописец российской глубинки. В этой теме ей нет равных. Командировки в провинцию — труд тяжелый, не женский. Старые, разбитые вагоны, дорожное воровство, гостиницы с удобствами на улице... К тому же весь этот «сервис» стал непосильно дорог.

И все же раз в месяц, по воскресеньям, на экране 1-го канала появляется титр — «В городе N». Как-то монтажница, работавшая над очередной программой, сказала Ливанской: побольше бы таких передач — глядишь, и люди бы подобрили.

— Говорят, что любая столица отличается от страны в целом. Нью-Йоркцы не похожи на типичных американцев. Жители Москвы и Питера — судя даже по результатам выборов — иные, чем прочие россияне. Можно ли сказать, что ваши герои-провинциалы — в большей степени русские, чем жители центра?

— Да где у нас найти-то чисто русского человека? В каждом разное песчинки подмешаны. Знаете, мне в принципе национализм претит. Не бывает националистов без агрессии. Вы можете назвать хоть одного националиста не агрессивного, доброго?

— Вот вы и есть, по-моему...

— Ой, не надо! Национализм — это порок какой-то, что-то болезненное. Ущербоность, вот что это. Доказывать, что ты — лучше других, потому что ты русский, или немец, или эстонец — унижать нацию. Можно ли называть националистами Чехова, Тургенева, Пушкина? Мне больше нравится слово «патриотизм».

— Вы москвичка?

— Со стороны папы — коренная. А мама из Кировской области — учительница литературы. Мой дедушка был заведующим лаборатории по защите растений от вредителей и болезней. У него было много научных трудов, их и теперь используют агрономы. Он жил на селекционной станции под Вяткой. Там (я это позже узнала) при Сталине были места политических ссылок. Ссылные — это была настоящая интеллигенция — очень влияли на атмосферу, на нравы. Какая раньше там была художественная самодет-

тельность! Какие ставили спектакли!.. Я помню, что зимой по выходным и дети, и взрослые катались на лыжах, санках, коньках. В этом году я снимала в тех краях. Погода была морозная, солнечная, но в выходные на улицах пусто. Все сидят дома. Водку пьют или сутками смотрят телевизор. Принимают, в основном, первый канал, а что там показывают? «Поле чудес», «Угадай мелодию», мексиканские сериалы... Это как наркотик. Помню, в деревне — сижу в избе, хозяйка готовит обед, сын делает уроки. Тут началась «Тропиканка», они все побросали и — к экрану. Проживать чьи-то чужие жизни — но ведь жалко на это тратить свою жизнь, единственную!

— Вы как журналист тоже проживаете чужие жизни, только реальные.

— Я же их творчески проживаю. Это их жизнь, и моя в то же время. Она у меня не пропадает зря.

— Но, может быть, те, кто создает сериалы, тоже ощущают себя творцами?

— Боже мой, ничего они не ощущают, просто делают деньги. Для меня сейчас самое болезненное — то, что происходит на ТВ. Это величайшее изобретение или недооценивают, или используют в сугубо коммерческих целях — то есть лишь бы набить карманы. И не понимают, что эти ужасные передачи опустошают души. Должно же быть понятие нравственного и безнравственного на ТВ! Может, наступит время, когда будут приняты такие телезаконны, вроде заповедей, от следования которым зависит престиж телеканала. Не юридическая ответственность, а заповеди, которые нельзя нарушать. Может, их разработает наша телевизионная Академия? Сегодня на экране появляется много личностей, которых попросту вредно видеть и слышать. Есть люди, которые несут энергию со знаком «плюс». А есть — со знаком «минус». Особенно в поп-искусстве. Их на телевидении сколько угодно. И даже среди ведущих.

— Можете назвать?

— Да зачем мне врагов-то себе наживать?

— Тогда давайте поговорим о друзьях.

— Никто из интервьюеров никогда почему-то не спрашивает меня о нашей редакции, о съемочной группе, никто о них не писал. Монтажеры, оператор — все соавторы мои, друзья. Мы как семья. Раньше наша программа шла вечером, мы собирались у нас дома, устраивали застолье и вместе смотрели ее в эфире. И дни рождения отмечаем, и все праздники. Многие думают, что я работаю на ОРТ. А ведь мы — независимая студия, продаем то, что делаем сами. ОРТ нам платит копейки, на съемку нужно втрое больше. Как мы выкручиваемся эти полтора года, как бьемся за то, чтобы такая передача была, — одному Богу известно.

— Вместе с вами передачу ведут еще двое молодых журналистов.

— Леночка сама меня нашла четыре года назад, стала со мной ездить на съемки. Мне говорили: какая у тебя дочка хорошая! А про Артема я сама всем объясняла, что он мой сын, никто почему-то так не думал. Бывает, они меня раздражают ужасно — учишь, учишь — ба! та же самая ошибка. Даже кричу на них иногда, но они пока терпят. Зачем мне это? Знаете, с возрастом начинаешь думать: а что после тебя останется? На телевидении век недолог, хочется оставить кого-то работать после себя. Сейчас на ТВ нашествие молодежи, которая ничего не умеет. Я сама училась на журфаке — как и мои ребята, Артем с Леной, и знаю, что там дадут гуманитарное образование, а профессии не научат. Но не это главное. Этому-то можно научиться на практике. Главное другое. Хочется, чтоб они несли то, что и я. Мое дело — личностная журналистика, как у нас говорят — персонифицированная.

— Что главное в такой журналистике?

— Пусть это звучит банально, но я люблю людей, которых снимаю. У нас много чудачков, характеров необычных, со странностями, с увлечениями. Я их в каждом городе ишу. Конечно, можно снимать, как Невзоров, но каждому свое. У Невзорова другая Россия, у него «дикое поле». А я своих героев люблю. Если я не буду о них рассказывать, то кто?

— Получается, что вы живете в другой стране, более счастливой и гармоничной?

— Нет, мы живем в одной стране. Все, что он видит, вижу и я. Но для меня это кровотокающая рана. Увижу пьяную бабу — и впадаю в жуткую депрессию. Так зачем мне в эту депрессию всю страну вводить? Не то чтобы я не видела плохого... Я сейчас на свой народ обижена за то, что не оказался мудрым и не понял, что есть кто. Приезжаю в свои деревни, смотрю на лица и думаю: эти люди, которых я так люблю, голосовали, наверное, за Зюганова, за Жириновского. Ужас-то какой!..

Беседу вела
Марина ТОПАЗ